№ 17 (29) Цена 150 руб.

КРОКОДИЛ

Москва. Воскресенье, 17 декабря. 1922 г.

Ковер-самолет.

— Негр найдет свой путь в Москву.
(Из речи негра Мак-Кея на IV Конгрессе Коминтерна).

Рис. Д. Моора.

...Через горы, через долы, через море-океан на волшебном самолете прилетают наши братья—Пролетарии всех стран...
(Из новой сказки)

КАК ОНИ РАЗОРУЖАЮТСЯ.

Совроссия, рачительная, миролюбивая хозяйка, надев очки, просматривала свои расходы. Их было много. Столбцы цифр были широкими, многозначными. И хотя Советская Россия укорачивала их, зачеркивая нули, цифры продолжали шириться.

— Да!—вздохнула Россия,—ничего не поделаешь, нужно экономить. На чем только? На просвещении? И думать нечего. По Наркомздраву? То же самое. Ага, вот. Красная Армия. На ней-то с'экономить не грешно. Воевать я не охотница. Только вот соседи народ беспокойный, армии у них. Ну да ведь и им это в копеечку влетает. Предложу-ка я им разоружиться, вот и с'экономим.

Советская Россия позвала Литвинова и сказала:

— Вот что, сынок, созови-ка ты моих соседей: Литву, Латвию, Польшу, Румынию, Эстонию и Финляндию, и предложи им разоружиться. И экономии от этого много будет и драк меньше.

— Хорошо, мамаша,—сказал Литвинов, и пошел созывать соседей на конференцию по разоружению.

На приглашение в Москву с'ехались все, за исключением Румынии.

— Видите ли, — сказал Литвинову представитель Польши,—она очень хотела приехать, но ей сейчас некогда. Занята вопросами вооружения. Но она мирно настроена. Вот тут у меня в кармане ее доверенность на получение Бессарабии.

— Ну-с... господа, — сказал Литвинов,— приступим к разоружению. Кто первый?

— Что вы! Что вы!—замахали представители руками,—разве так можно! Вдруг сразу и разоружаться! Сначала нужно создать комиссию, да без всяких представителей печати. Журналисты, сами знаете, народ отпетый. Сейчас все растрезвонят.

— Так что ж из этого?—удивился Литвинов,—мы же не зазорным делом заниматься будем! Зачем же держать в секрете?

— Нет уж, — уперлись представители,— извините. Гласно мы не согласны. Обсудим сначала келейно, так сказать, разоружимся морально, а уж потом...

— Чудаки вы,—пожал плечами Литвинов,—ну уж если вы так хотите, что ж, начнем с комиссии.

Перешли в комиссию.

— Так что-ж, — опять спросил Литвинов,—начнем разоружаться?

— Позвольте мне слово, — сказал представитель Польши.

— Господа! Прежде чем приступить к обсуждению самого вопроса о разоружении, позвольте мне указать на более главное, а именно—на атмосферу. Что такое атмосфера? Атмосфера—это то, чем мы дышим. Следовательно, в плохой атмосфере мы дышать не можем, а посему следует создать такую атмосферу, в которой наши занятия протекали бы с успехом. Я хочу создать атмосферу доверия. В ней, а не в разоружении суть. Атмосфера—вот корень вопроса. И недаром 350 цивилизованных государств признали атмосферу самым важным условием для гарантии их добрососедских отношений. Поэтому я предлагаю заняться не таким пустяковым вопросом, как вопрос о разоружении, а выработкой резолюции об атмосфере.

Слово взял Литвинов.

— Я,—сказал он,—не понимаю, при чем тут атмосфера? Я спрашиваю вас: хотите ли вы разоружаться? От слов перейти к делу? Москва не Генуя и не Лозанна. Здесь не любят заниматься словоизвержением, а делают дело. Итак, кто желает разоружиться?

Представители закашлялись, начали сморкаться, а представитель Польши встал и заявил:

— Ваш вопрос настолько серьезен, что я прошу отложить заседание до завтрашнего дня. Мы сейчас создадим комиссию, обсудим, потом запросим Пуанкаре... виноват, наши правительства.

— Хорошо, — сказал Литвинов, — запрашивайте ваших мамаш.

В Латвии министром иностранных дел назначен меньшевик, известный своей работой по разгрому рабочего движения. Им предано на повешение 23 члена с'езда профсоюзов. *Из газет.*

Веревка повешенного приносит счастье.

— Ну что, сынок, — спросила Советская Россия Литвинова,—как у тебя подвигается разоружение?

— Да что, мамаша,—вздохнул Литвинов,— вы сами знаете какой это народ! Его припрешь к стенке, а он норовит увильнуть в комиссию. Говорит, а сам на Пуанкаре да Керзона оглядывается. Боюсь я, мамаша, что ничего из наших разговоров путного не выйдет.

— Так, так, сынок! — вздохнула Совроссия,—значит не удастся с'экономить на Красной Армии. Ну, что-ж. Как нибудь перебьюсь.

Совроссия вышла и сказала красноармейцам:

— Вот, детки, хотела на вас с'экономить, да соседи неподатливы. Так вы уж того, винтовочки держите в готовности. Атмосфера уж больно нефтью пахнет. *Архип.*

Как Глупышкин стал редактором.

„Ташкентцы"

В редакции «Турк. Правды» получилась телеграмма:

МОСКВА, 17. (Роста) 1-й № «Вопросов Страхования», двухнедельного органа московского губстраха вышел с обложкой дореволюционного петербургского органа того же названия. Редакция журнала продолжает дело старых страховиков и приглашает их к сотрудничеству.

Редактор Глупышкин (виноват, Комглупышкин!) подозвал фельетониста «Бека» и сказал:

— Видал миндал?.. Куда нэп-то ведет?.. Уже и страховики вылезли... Со старой обложкой журнал выпускают. Ведь это демонстрация, братец! Наша, дескать, взяла. Опять **дореволюционный** журнал выходит. Революции как будто и не бывало... Загни-ка им, братец, покрепче... Губстрах... Я бы вам показал «Губстрах». Нету на вас настоящего страху... Вот в 18 году, бывало..!

Через полчаса фельетонист принес:

— Готово!

И в № 103 «Туркест. Правды» появился фельетон под заглавием «Вопросы Страхования», из которого приводим половину:

И вот для назиданья:
— Традиции хранить,—
— «Вопросы Страхованья»
Вновь стали выходить.
Подкрасились немножко
В веселый рыжий цвет,
Но старая обложка
Прекрасных прежних лет.
Пусть многим глаз и режет—
Редакция тверда.
Сотрудники все те же,
Знакомая орда:
Профессор Душегубов,
Бацмордин генерал,
Купчина Меднотрубов
И Тряпкин либерал.
Знакомые приемы,
Спасительный кулак...
Печатного салона
Разнузданный кабак.
Как затесалась «Роста»,
Зачем-хочу я знать,
Компанию прохвостов
Той „Росте" восхвалять.
Сказать бы можно много,
Да лучше помолчать...
Прокладывай дорогу,
«Свободная» печать...

Стихотворение, по совести, не очень плохое. Одна беда: «Вопросы Страхования» были большевистскими в 1913 году, и сейчас в 1922 году таковыми же остались. Во время войны это был **единственный** уцелевший большевистский орган. Сотрудники его в общем были те же, что и в «Правде».

«Сотрудники все те же
Знакомая орда...

Пишущий настоящие строки был первым секретарем редакции «Вопросов Страхования» вплоть до ареста в ноябре 1913 г.

Я считаю, что «Турк. Правда» несколько преувеличила, назвав «компанией прохвостов» и «разнузданным кабаком» редакцию «Вопросов Страхования».

Не согласится ли ташкентский Комглупышкин исправить свою маленькую ошибочку. А еще лучше—занялся бы чем нибудь попроще. Ну ее, газету!.. Канитель одна. *Л. Сосновский.*

МУЧЕНИК СЕВАСТЬЯН.

Рис. М. Черемных.

В поход против рабочих корреспондентов ополчаются все темные силы, враждебные рабочему классу. Но эти мученики рабочей печати стоят на своем посту, не страшась ничего, даже самой смерти. *(Из газет.)*

Редкая гравюра первой четверти XX века.

Колоссальные расходы.

Рис. И. Малютина.

Французским правительством утверждены расходы, произведенные на Врангеля. Расходы эти равны $150\frac{1}{2}$ мил. франков. («Труд»).

Французский рабочий: — Нам бы прибавочку...

Чиновник: — Вам и так платят слишком много. Вы видите, какие у нас колоссальные расходы.

Нашествие барышень.

Глава из истории России *).

> В нашем аппарате так много пристроек и надстроек, что трудно видеть, где и как размещается советская барышня на новой советской службе.
> Аппарат съедает не только прибыль, но и часть основного капитала.
> „Известия".

В 1922 году, после того, как советская Россия пережила нашествие Колчака, Деникина, Врангеля, Сыпного Тифа и Голода, на нее обрушилось новое бедствие, известное в истории под названием „нашествия Барышень или Совбарышень".

В точности невозможно установить, к какому роду и виду принадлежали означенные существа, но вред, приносимый ими, был огромен: по дошедшим до нашего времени сведениям, они поедали до одной трети всего собираемого государством хлеба, а равно еще не установленный исследователями процент вырабатываемых на фабриках продуктов. Такая прожорливость дает основание предполагать, что мы имеем дело с насекомыми. Размножались эти насекомые посредством почкования: всюду, где возникало учреждение, заводилось одно такое существо,— это существо приводило двух знакомых или родственников, те в свою очередь каждый еще по два экземпляра и т. д. Это называлось „устроить на службу".

В одной Москве, по статистическим данным, скопилось их до 239.000 или, если перевести на наш счет (в то время считали в дензнаках 1922 года, т. е. уменьшали настоящую сумму в десять тысяч раз), то их было 2.390.000.000 экз. или почти в два раза больше, чем население всего земного шара в то время.

Неизбежной принадлежностью „барышни" была так называемая „машинка", при помощи которой они вероятно пережевывали свою пищу и производили шум. Шум этот был так велик, что многие ответственные работники стали глухи к нуждам избравших их рабочих и тогда, чтобы добраться до них, приходилось перейти через трупы нескольких тысяч барышень.

Вероятно в связи с появлением этих насекомых стоит и так называемый жилищный кризис: они занимали огромную площадь жилых помещений и рабочим приходилось находить себе приют на колокольнях, на балконах домов и т. д. (см. „Крокодил" — один из главных источников современного историка). Кормление их обходилось чрезвычайно дорого и это вызвало падение курса рубля и т. п.

Борьба с ними была весьма затруднительна, потому что нельзя было установить, где находятся их гнезда—так называемые „тресты" и „учреждения". Устраивались специальные „недели очистки", „переписи", „сокращения"—но после всех этих мер число их доросло до 2.460 миллионов.

Как удалось избавиться от этого бедствия— неизвестно. Но надо думать, что усиленная дезинфекция, соединенная с тем способом борьбы, который в то время носил название «деноминации», произведена была в 1923 году, при чем 1.000.000 барышень был принят за одну с соответственным уменьшением получаемого ими пропитания. Эта мера позволила справиться со столь громадным общественным бедствием, поразившим Россию на пятом году после революции.

Маттеус Кредитиус.
(Корреспондент из будущих времен).

*) Настоящие сведения почерпнуты из вновь открытых в 2934 году материалов одним знаменитым ученым, жившим в воздушном замке на том месте, где в 1922 году находился Северный полюс.

Рис. Д. Моора.

ПОЭМА О СЕБЕ.

Коли сами про себя
стишка не составим,
то такой чести
от других и не жди.
Трески,
а ни одного поэта,
хоть ты три года на углу стой,
не вдохновишь...
Такова наша служба
неприглядная,
серая,
милицейская,
одним словом...
Где-нибудь на углу Садовой
кулика шь с утра до вечера,
А с вечера опять до утра
И морозишь казенные дырки.
А тем, кому делать неч го,
в а томобиле,—в р сторан.
Фыркают
на тебя бензином
и рылом нэпов ким:
„Образина
стоит, как пень
ни вида,
ни формы...
Городовой был... ох“...
И вздох...
Тебя-б на милицейскую норму:
выправил бы под собой
автомобильные шины...
Образ на ..
Без смен
сутки на посту!
До цен
с милицейского оклада
не долезешь ни с каких лестниц:
в месяц
„Красненькая“!..
Форма.
Годовая норма:
Надел—до следующего юбилея носи,
Сносил—проси,
просить разрешается:
Рапорт Начотделения,
нач-отношение
в Отделе Снабжения

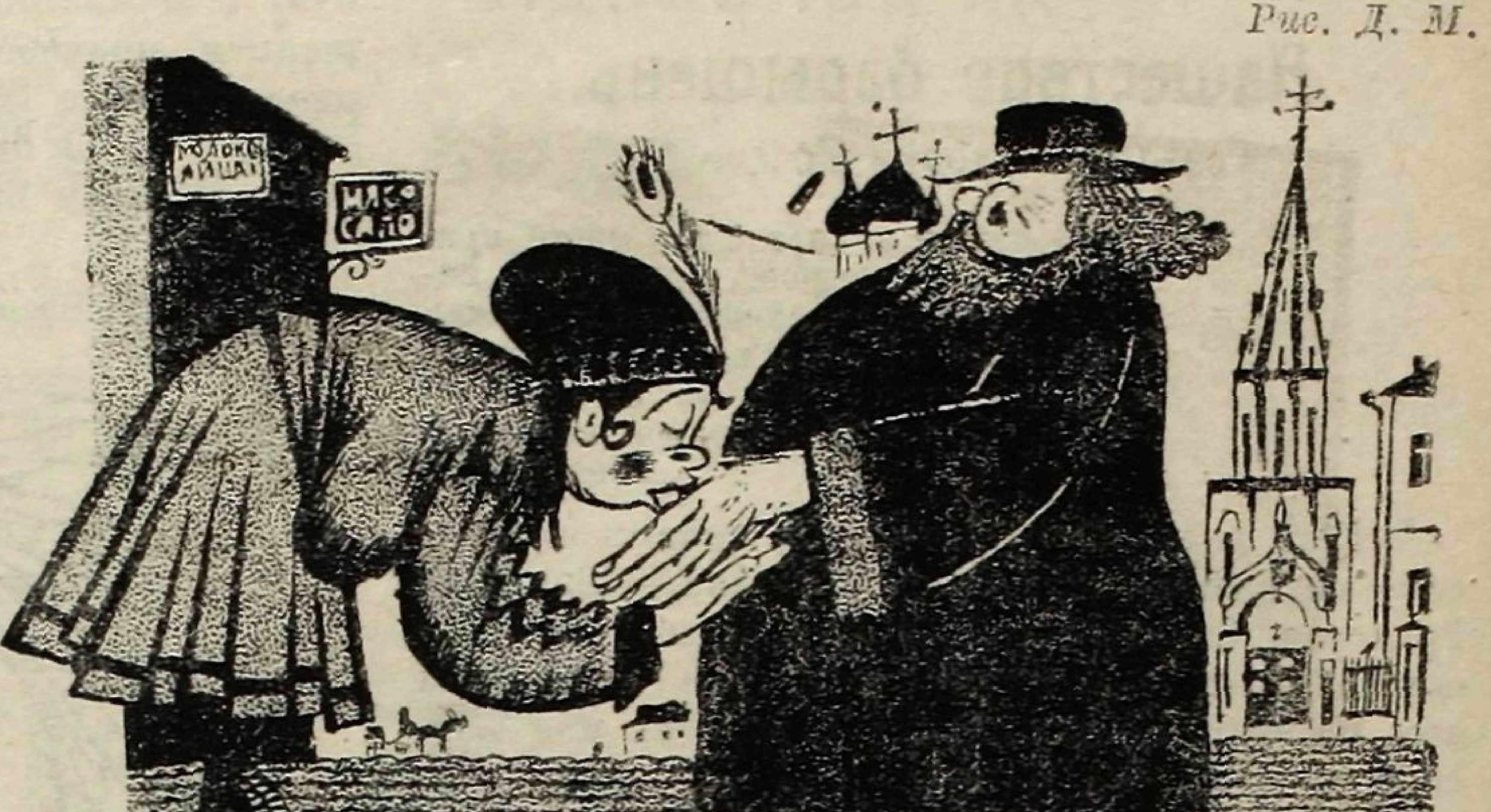
РЕЗОЛЮЦИЯ:

„Нет
Ни копейки
кризис финансовый,
общегосударственный“
и прочее...
Резолюция эта политруку:
(политически твердый и из рабочих,
преуспел всю партнауку)
Твое дело—политическое,
уснащивай
милицейские массы,
сращивай
дисциплину и пустые кассы...
И вот
резолюция
другая, снизу:
„Мы,
сыны Революции
шлем привет“...
И... на две страницы,
в уголке Начальническая виза:
„Послать выше“,
а вверхах
новая резолюция:
„К делу“.
(Пока не возбудится дело
с какого—нибудь поста
на углу Садовой
снова)...
Так
и живем
покамест
из-за угла „Ноганом“
не угостит какой-нибудь поганец..
И поэтов
для нас нету,
пишем о себе поэмы сами...
Красными жезлами
парочку вдохновили
и все...
Да на всех поэтов жезлов не закажешь:
по смете—
не сочтешь нулей в уплату,
ни одному милиционеру не покажешь:
— „На жезлы эти есть,
а нашему брату
за работу в уплату
нет“..
Лучше с поэтами не связываться—
пусть поют о НЭП-е,
веселее им и нам дешевле...

Красный жезл.

ВСТРЕЧА С ОТЦОМ.

Рис. Д. М.

Цектран и НКПС решили принять экстренны меры к освобождению занятых под жилье вагонов и к предоставлению рабочим и служащим нормальных помещений. На одной из дорог занято под жилье 800 вагонов. При недостатке вагонов в движении такое явление совершенно недопустимо. *(Из газе .)*

Рис. М. Черемных.

— Тетенька, где м е тут товарища Бездом ого найти?
— А вон ступай за угол, там извозчика наймешь. П шком то далече: версты, чай, три будет.

НА ИСПОВЕДИ.

Рис. Д. Мельникова.

Большая энциклопедия „Крокодила".

Мы очень извиняемся за происшедшее недоразумение... Россия № 2, белогвардейская, вообразила недавно, будто в Московский Совет избрано сорок тысяч одних правых эсеров, которые отслужили по этому случаю благодарственный господу богу молебен и помазали на царство Пуришкевича. Кроме того (так рассказывали заграницей), на небе появилось знамение, а непорочной жене Кусковой было видение.

Все это вообразилось России № 2 потому, что «Крокодил» № 16 вышел в свет без «Большой Энциклопедии».

Нам очень жаль разочаровывать Россию № 2... И все-таки мы должны сказать что напрасно она развоображалась.

Ничего такого не было. Вообще, не было ничего особенного. Но была «неделя помощи школе»,—и Крокодил, никому ничего не сказав, и жертвовал на нужды просвещения наш букварь.

Мы довели Энциклопедию до буквы «Г». Хватились,—букваря нету! Какие еще были в нем буквы?... Ответить на этот вопрос по памяти или по догадке мы, разумеется, не рискнули.

Конечно, издательство сейчас же озаботилось приобретением нового букваря. Но, пока составлялась смета, пока утверждался и выписывался аванс, пока работала комиссия по изучению сравнительных цен на буквари, пока нашли на Бирже Труда секретаря для ведения протоколов, — время ушло.

Теперь букварь, наконец, приобретен. Мы продолжаем.

Д.

Буква, как буква. Известна тем, что с нее начинаются многие испанцы, — напр.: Дон-Кихот, Донбасс.

Дон-Кихот давно помер: нечего, значит, о нем и говорить. Донбасс—этот еще жив, но крайне нуждается и бедствует. К сожалению, значение иностранных слов воспринимается у нас очень медленно и туго: еще не всеми осознано поэтому и значение Донбасса... А то бы мы давно помогли ему!

Дензнак.

Печатное пособие по высшей математике, очень полезное при изучении бесконечно-больших, бесконечно-малых и т. п. «мнимых» величин. Астрономам облегчает усвоение «астрономических цифр».

Кому мало этих сведений, тот пусть смотрит слова: «Налоги», «Наркомфин», «Рубль» (целковый), «Ревтрибунал», «Расхищение народного достояния». Здесь мы ограничимся лишь примечанием, что миллионы в дензнаках 21 г. можно переводить на дензнаки 22 г. или на золото. Можно переводить их и иначе... Но не пытайтесь переводить на золото, например, миллион советских служащих: ничего не выйет! И,вообще, никак их не переведешь...

Доходы.

Нечто, подлежащее обложению налогом. Жалованье, получаемое за работу, доходом, в большинстве случаев, не считается. Некоторые граждане так прямо и говорят:

— Жалованье у нас (в ЦЖО, на железной дороге) пустяшное, но зато есть «доходы».

И садятся на скамью подсудимых.

Дондук.

Князь, который заседал потому, что у него имелась необходимая для этого занятия часть тела (не голова); на голове никто не сидит. Ныне князья отменены, но Дондуки остались.

Все наши ведомства чрезвычайно озабочены вопросом о сокращении количества заседаний и комиссий. По слухам, для практического разрешения этого вопроса учреждена междуведомственная комиссия, которая и заседает.

Е.

Эта скромная буква славится тем, что взяла на себя выполнение обязанностей «ятя» без освобождения от основной партийно-советской работы. В результате, последовало безболезненное сокращение штатов русской азбуки.

Какой пример должны мы видеть в этом! Какой урок!..

Екатерина.

Их две: Брешко-Брешковская и Кускова. Которая поекатеринистей,—трудно сказать, да и не хочется нам обижать ни правых эсеров, ни правых меньшевиков. Пусть и у тех, и у других будет по своей собственной «бабушке»: жалко нам, что ли?

Вообще, сказать о них нечего. Живут себе божьи старушки... Пили кофей намедни, но безо всякого удовольствия.

Ем-пе-о.

Это такое учреждение, которое кормит хле...

Извиняемся. «Крокодил» внезапно опрофсоюзился и заявил нам, что мы не имеем никакого права эксплоатировать букву «Е». По его толкованию, нужно писать не «его», а «это», и не «Емпео», а «Эмпео». Буква «Е», дескать, никогда не бралась работать за «э оборотное»,— да и нельзя, мол, наваливать на человека столько сверхурочных

— Так ведь на человека ж, а не на букву, чудак-человек!..

Фу ты... Забыли совсем, что Крокодил— он Крокодил, а не человек. Как его подмазать? Не подмажешь!

Ин. Иванов.

МЕЧТЫ О ТРОНЕ.

Рис. Ив. Малютина.

Николай Николаевич. — Мои агенты доносят, что весь русский народ собравшись на митинге, постановил послать за мной депутацию. Я так и знал, что заслуги дома Романовых народ не забудет....

Случай с председателем.

Председателю треста приснился сон.

Будто сидит он у себя в кабинете при исполнении служебных обязанностей и нужно ему подписать какую-то бумажку. Взял он ручку, размахнулся и... вдруг на бумаге ясно и четко написалось:

+ + +.

«Что за чертовщина? — подумал председатель треста.—Ведь так расписываются неграмотные, а я даже «Азбуку коммунизма» наизусть знаю».

И, кисло улыбнувшись секретарю (дескать, я пошутил), председатель снова обмакнул перо в чернильницу. И снова на бумаге, где должна была стоять подпись председателя, выросли три жирных черных креста.

Тут только взглянул председатель на бумагу... и испугался. Холодный пот выступил на его лбу: на бумаге стояли длинными рядами черные, непонятные значки.

— Какого черта вы подсовываете мне эту китайскую грамоту!—закричал председатель, разом налившись кровью. — Что это за шуточки в государственном учреждении! На каком языке это написано?

— На русском... — испуганно пролепетал секретарь.

— Ну, прочтите, если на русском!

— Да я **тоже** неграмотный.

* * *

— «Тоже»... — мелькнуло в уме председателя:—«Тоже»... Значит и я неграмотный... Да, да... Конечно, так...

— Можете итти, — тихо сказал он секретарю. — И скажите, что я сегодня нездоров и никого не принимаю.

Едва за секретарем захлопнулась дверь, председатель схватил чистый лист бумаги и начал лихорадочно чертить свою фамилию. Но опять кроме:

+ + +

ничего не выходило.

И долго стоял председатель треста в задумчивости.

Рис. Ив. М.

Рис. Д. Моора.

НОВАЯ СМЕНА.

Рабочая молодежь смотрит в будущее глазами науки революционного марксизма. Ея взор направлен мимо мелкобуржуазных идеалов к новому строю жизни—коммунизму.

Вдруг, точно кто ударил председателя колом по голове:

— Ведь сегодня баланс месячный сводят! Как же они то там?

И с этой мыслью председатель выбежал в бухгалтерию. Странная картина представилась его глазам. Главный бухгалтер красный и потный от натуги ползал по полу сре и бесконечного количества маленьких деревянных кубиков. Часть этих кубиков была разложена по кучкам, другие лежали беспорядочной горой. Бухгалтер крепко держал правой рукой три пальца левой и сосредоточенно морщил брови.

— Ценнейший человек,—шепнул председателю откуда-то вынырнувший секретарь и указал на бухгалтера:—ценнейший работник; до пяти считать умеет. Видите кучки разложены—в каждой кучке пять кубиков. Вот он уже сделал пять кучек, сейчас их унесут, чтобы его не пугать. Он отметит мелом на стене и будет считать дальше. Каждый кубик равняется вот такой бумажке.

И секретарь вынул какую-то цветную бумажку. Еще вчера председатель сразу сказал бы, что это сто миллионов, но теперь на бумажке стояли те же непонятные значки...

Чтобы не мешать бухгалтеру, председатель вышел на цыпочках и...

проснулся!

Календарь со стены глядел знакомыми потертыми цифрами и, схватив лежащую на столе газету, председатель треста с удовольствием прочел вслух:

«Экономическая Жизнь».

И на душе стало сразу легко и радостно.

Утром на службе председатель треста говорил секретарю:

— Вчера приходил какой-то товарищ—на поддержку школ просил... Неделя помощи школе, что ли. Я так засуетился, что отказал ему. Так вы, пожалуйста, разыщите, куда это надо жертвовать. И попросите главного бухгалтера выписать деньги в срочном порядке. А сумму я сам определю. Школа—нужная вещь: не будет школы, так того и гляди председатели трестов будут — хе-хе! — неграмотные.

В. Кумач.

Осади назад!

Рис. М. Ч.

Что уж некого доить
И велела долго жить.
Стал Иван ходить угрюмый,
Туча-тучей, с тяжкой думой,
За хозяйством не глядел,
Стал ругать-я и худел.
Поп, отъевши туго брюхо,
Из семейства молодуху
В дом к себе переманил.
Барин портил баб и пил.
Мужиково видя горя,
На пригорке, на просторе
Расторопливый Кулак
Мигом выстроил кабак.
Пропил всю Иван холстину
И потом, согнувши спину,
К Кулаку в рванье ходил,
В долг полчашечки просил.
А Кулак на шутки падок:
— „И с чего такой упадок?
Ты бы бога, грит, молил,
Чтоб тебе он пособил“.
А Мужик:—„Да как молить-то.
Зря не станет Поп служить-то—
А взаправду, может, бог,
Мне в беде-то бы помог“.
— „А ты в долг“—Кулак смеется
—„Как же в долг?“-Мужик замнется:
— „Уж и Барину оброк
Не внесен, как надо, в срок“...

* * *

Вот и сказка рассказалась,
Что запутал—развязалось,
А как дальше шло—о том
Расскажу я вам потом.

Конец первой части.

САМОСНАБЖЕНИЕ.

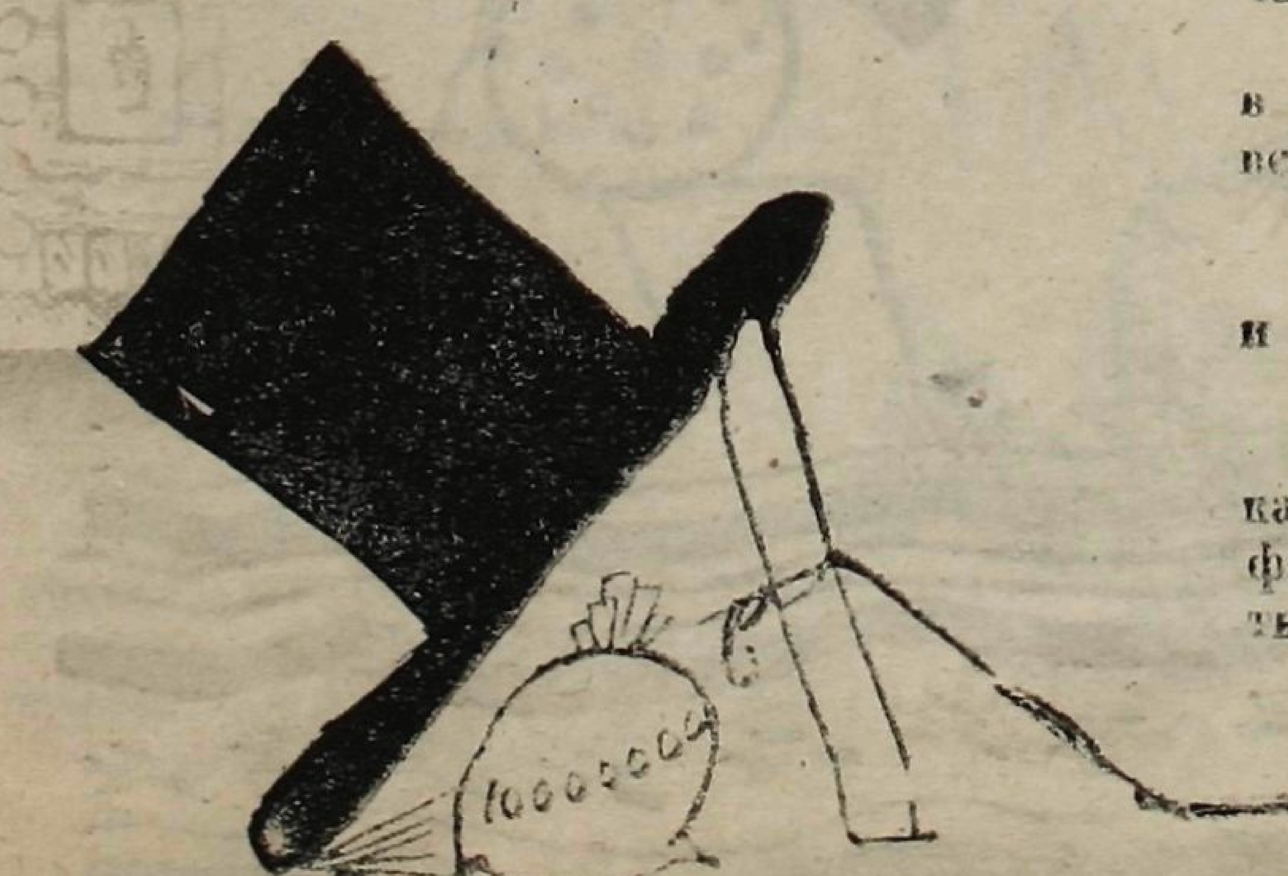
Поп Брюхан росту великого, дикого, голова патлатая, борода лопатою, нос дулеват, а глазищи раскосые...

В одной ручище кадило, в другой кропило, а на груди иконостас с лампадами.

Левым глазом Брюхан небо метет, правым землю обшаривает, с земли все огребает, в карманы ссыпает.

Довольствуется.

Шел Брюхан по Рассе и нащупал Филю.

Добро бы Филя был буржуй... Какое там, был Филя просто Филя, Филя—простофиля.

Брюхан орет:

—Как это ты, чадо-расчадо мое, по земле треплешься в таком виде, а?.. Ведь весь ты в грехах, ровно в грязи, вывалялся... Иди сюда живее... Дай-ка я тебя просвещу.

И давай Филю охаживать: кадилом кадит, из кропила кропит, а сам все бубнит—„помилос, помелос!“..

Отчитал Брюхан, откадил и заканчивает:

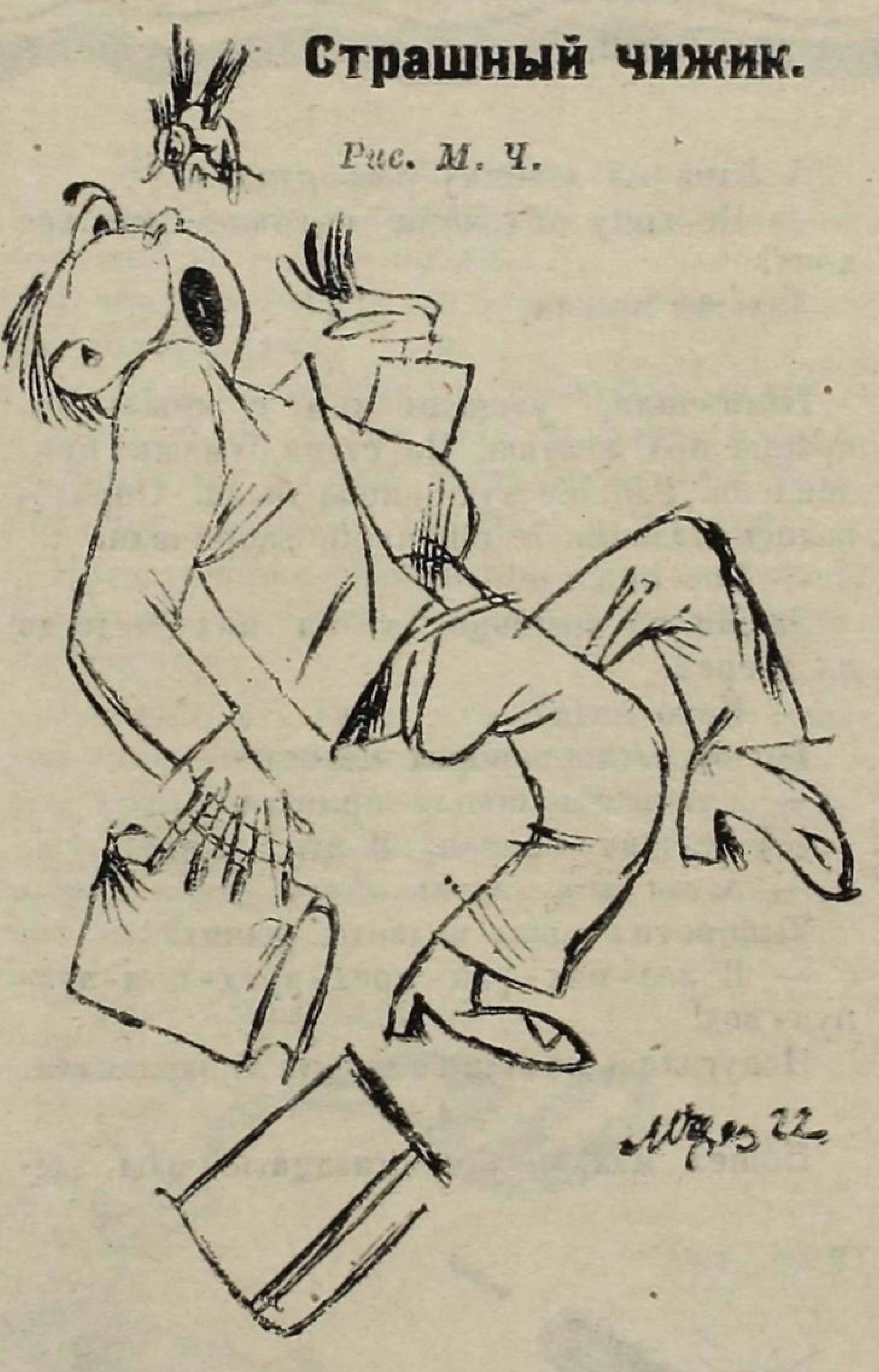
—А теперь уплати, брат, по сему счету согласно таксе: „за окропление лимон (вода-то, чай, святая), за каждение пять (ладон ноне вздорожал... Сам знаешь—Антанта пакостит), за моленье трижды три (потому как я спец), за освещение — десятку (воск поднялся в цене опять).

Остался Филя с разинутым ртом, с раскрытыми глазами и раздумался:

„Грехи на мне, как блохи на собаке, разводятся... Нет никакой моей возможности приглашать чистильщиков — беспременно прохарчишься... Сем-ка я перейду на самоснабжение“.

Страшный чижик.

Рис. М. Ч.

Как грехов накопится — сходит Филя в баню, веником попарится, глядь и на душе полегче, опять работай неделю. В профсоюз на собрание сходит, „Рабочую Газету“ почитает, с „Крокодилом“ в кармане к товарищам идет—над попами, богом, царями, богачами вместе посмеется. И никаких грехов.

Встретился Филя с Брюханом. Филя и в ус не дует: распевает во всю глотку безо всякого внимания, на гармошке наяривает.

И совесть чиста, как стеклышко.

Обалдел Брюхан окончательно: чудеса да и только!..

А Филя смеется:

—Теперь, батька, не те времена!.. Потому как перешел я на самоснабжение... В Ресефесере, чать, живу!.. А в ней я, батенька ты мой, всему научился: сам себе швец и

Рис. И. М.

жнец и в дуду игрец, сам за себя молельщик, вместе со всем прочим трудовым народом.

А Брюхана в пот ударило.

Говорит:

—Как же я-то, чадушко?.. Ведь этак не годится!..

А Филя ноги пошире расставил, подбочenился, шапку на затылок сдвинул и сквозь зубы важно этак проговаривает:

—За сокращением штатов увольняю!..

К. Милль—Полярный.

О шкрабах.

Сказочка.

Жили-были два шкраба, оба сельские.

Один был хитрый, а другой простак.

Получали бумажки из Наробраза...

Получили однажды такую: „собирать еловые шишки“.

Ну и собирали оба с ребятишками.

— К чему эти шишки?..—спросил хитрого простак.

— А кто его знает!—ответил хитрый и подмигнул.

— И шишка вещь полезная, ежели человек с умом.

Простак согласно предписания отвез шишки в уезд, а хитрый оставил у себя.

А там новая бумажка: „собирать репейное семя“.

Спросил простак хитрого шкраба:

— А зачем, товарищ, репейное семя?

Подмигнул хитряга:

— Ежели человек с умом, и репейное семя на пользу—репейное масло тоже и для волос пользительно.

Отправил простак репейное семя в уезд, а хитрый шкраб оставил его у себя.

А за бумажкой бумажка летит, бумажка бумажку бумажкой погоняет.

Не опомнишься!..

„Копайте корни сусака!“

Не знали оба шкраба, что такое сусак, и призадумались. Призадумались, но вскоре одумались.

Простак нарыл с ребятами всяких корней и отправил в уезд, сказав:

— Не разберут, поди!..

А хитрый шкраб набрал корней одуванчика и оставил у себя.

Долго ли, коротко ли... Прошло три года.

Все еловые шишки, репейное семя и корни, отправленные простаком в уезд, сгнили на дворе Наробраза.

Долго ли, коротко ли, дождался хитрый шкраб нэпа. И когда закрыли его школу, все шишки, репейное семя и корни одуванчика хитрец отвез на базар в губернию, и на все нашел покупателя.

Н. М.

Рис. Д. Моора.

Пропавшая школа.

Сказочка.

1.

Жили-были мальчик да девочка. Мальчику было восемь лет, девочке девять. Захотелось им учиться. Вот мальчик говорит девочке:

— Айда, Дуня, учиться.

— Айда.

Надели сумочки, пошли. Шли-шли, пришли на то место, где школа стояла, а там нет ничего. Только чернильница лежит вверх дном. Поглядели мальчик с девочкой, сказали:

— На другое место перешла она.

Шли-шли, на другое место пришли, а там все место крапивой заросло: ни пройти, ни проехать. На заборе петух крыльями хлопает, песни поет. Пониже петуха курица сидит, песни слушает.

Вот мальчик говорит петуху:

— Петух, петух, где школа?

Хлопнул петух крыльями, рассердился.

— Какая тебе школа! Здесь представленье показывают.

2.

Пошел мальчику девятый год, девочке—десятый. А потом и мальчику пошел десятый год, девочке — одиннадцатый. Ходили они по темному лесу, искали пропавшую школу. Увидали — белка прыгает на дереве, спросили:

— Белка, белка, где школа?

Махнула белка хвостом, рассердилась.

— Не мешайте мне! Здесь танцевальные курсы.

Вот девочка говорит мальчику:

— Не найдем мы школу, Ваня, давай яблоками торговать.

А Ваня на девочку рассердился.

— Не хочу яблоками торговать, учиться хочу!

Дальше пошли.

3.

Шли-шли, увидели дом с крыльцом, крыша под жестью. На стене бумажка приклеплена. Раньше тут школа была. Обрадовались мальчик с девочкой, закричали:

— Вот она где!

Зашли на крыльцо, а на них медведь из дверей:

— Чего надо?

Вот мальчик говорит медведю:

— Учиться в школу пришли.

—Какая вам школа? Я здесь живу!

— А ты кто, дяденька?

Выворотил глаза медведь, рычит:

— Я лез-нах-рап-пред-вред-ком-вуз-муз-воз!

Испугались мальчик с девочкой, заплакали.

4.

Пошел мальчику одиннадцатый год, девочке — двенадцатый. А потом и мальчику пошел двенадцатый год, девочке—тринадцатый. Стала девочка жаловаться:

— Не найдем мы школу, Ваня, давай папиросами торговать.

А Ваня на девочку рассердился.

— Нехочу папиросами торговать, учиться хочу!

Пошли дальше.

5.

Шли-шли, видят: стоит в темном лесу избушка, из окошек дым идет. Подошли к окошкам — не видать ничего: очень дым густой. А все—таки слышно, как в дыму поскладам читают другие ребята.

— Дя-дя. Лу-на. Ча-ра. На-ры. Ком. Просо. У нас в шко-ле хо-лод-но, печ-ка ху-да-я. Нет чер-нил. Дай-те нам бу-ма-ги и книжек. Наш у-чи-тель тре-тий год не по-луча-ет жа-ло-ва-нье.

Обрадовались Ваня с Дуней.

— Нашли! Теперь и мы будем учиться.

Зашли в школу, а в школе бревно лежит поперек. На бревне ребята пишут под диктовку угольными палочками:

— Ученье—свет, неученье—тьма.

Сели Ваня с Дуней на бревно, улыбаются.

— Теперь и мы маленько выучимся.

Дуня говорит:

— Ты, Ваня, не забывай: ученье—свет.

А Ваня Дуне шепчет:

— Сама-то помни: „Дя-дя. Лу-на. Ча-ра. На-ры. Ком. Про-со“.

Но тут учитель сказал:

— Дети, больше я не могу заниматься, силы нет. Запирайте школу, идите домой.

6.

Проснулись Ваня с Дуней, а кругом лес темный. Сидят они на бревне в темном лесу, плачут. А на дереве высоком филин носом долбит:

— „Ученье—свет, неученье— тьма“!

А. Неверов.

Рис. Д. Моора.

Преступление гражданки Нэп.

Не пустить гражданку Нэп в дом было никак нельзя. Но, пустив ее и оказав ей требовавшееся обстоятельствами внимание, мы никак не могли отделаться от неясного беспокойства:

— Ведь и держит себя в границах, и рассуждает вполне лойяльно, а вот на поди... Все время такое чувство, будто что-то она слямонила!

Кто-то высказал ужаснувшее всех предположение:

— Уж не Азбуку ли Коммунизма?..

Мы ахнули... Но тревога оказалась неосновательной: Азбука Коммунизма была на месте и в неприкосновенности.

— А все таки взяла она что-то... Глаза у ней бегали. Кодекс законов о труде, может быть?..

— Цел кодекс: вот он, новехонький! Чего зря говорить!

— А Программа Партии цела?..

— Не сходите с ума. Полусменовеховцы распускают про Нэп всякую дичь,— и вы туда же?..

— Тут вот книжки лежали: Технология, Политическая Экономия, Русская Фабрика, Тресты и Синдикаты...

— Все целы. Смотрите-ка: она еще «Развитие капитализма в России» сюда подложила! Вот ехидная!

— Ежели из ехидности это, то ошиблась: книжка-то Владимиром Ильичем написана. Но что же, все таки, сцапила у нас Нэп?..

Мы перебрали все. И, обнаружив, наконец, пропажу, успокоились:

— Букварь стилибонила, — только и всех делов.. .То-то, во что-то завертывала она образчики орехово-зуевской мануфактуры!

— Только Букварь? Ну, это не важно...

Случай, за множеством других дел, был нами почти забыт.

По правде сказать, особенного значения мы ему и не придавали. Ну, что такое Букварь? И только потом...

У нас аж мороз по коже пошел, когда мы сообразили:

— Ведь понимаете ли, товарищи, дело-то тут какое? Ведь, не зная букваря, нельзя прочесть ни Азбуки Коммунизма, ни Технологии,—никаких, вообще, руководств!..

Преступление гражданки Нэп оказалось несравненно более серьезным, чем думали мы вначале.

Хорошо, все таки, что мы во-время спохватились. Коммунистические Пинкертоны, все грамотные и все неграмотные граждане,—караул!..Похищенное гражданкой Нэп нужно вернуть немедленно и во что бы то ни стало!

Грамен.

Этот метод воспитания...

Рис. М Ч.

....надо сдать в архив.

Петькины доводы.

Гражданин Петька, оголец, проиграв согражданами «о пристенок» всю наличность, пострадал в неудачном бою за восстановление своих имущественных прав—и по этому случаю ревел.

— То-то вот!—назидательно сказал я.—А уж большой ведь. Почему в школу не пошел?

Гражданин Петька прервал рев на самом интересном месте и хмуро возразил:

— Ну, да! Пойду я в школу, когда все перья пробуя!

— Из-за этого неучем оставаться? Не было, брат, таких примеров в истории! Могу дать тебе, уж если на то пошло.

Но Петька сказал:

— Ладно. А бумага у меня есть?

— Дам и бумаги. Чего там: на одном дворе, ведь, живем...

Но Петька презрительно прищурил левый глаз, сдвинул рот к левому уху,—и срезал меня новым вопросом:

— Ишь, какой прыткий! А где я учебники возьму? Небось, за них лимонов сто надо выложить!

Мое положение становилось шатким... Однако, я не признал себя побежденным.

— Ну, учебники!.. Хороший учитель,—он, брат, и без учебников справится!

Но Петька спросил:

— А где ж его взять, хорошего-то? Которые плохие, так и те разбежались. Ты, что ль, заплатишь хорошему?..

— Мм...—сказал я.—Конечно, оно, вообще-то говоря... Ну, а все-таки, ты пойми; на дворе холод, грязь, в школе—чисто, тепло...

Но Петька, давясь от победного, язвительного смеха, перебил:

— Уж не ты ль дров купил? Те-епло-о!.. Какой-ой согреватель!

— Смеяться тут нечего,—пробовал я поставить Петьку на точку.—Пусть холодно, но все-таки школа, это, как бы тебе сказать?.. Школа, она, брат...

— Заладил: школа да школа!.. А если вовсе закрылась она? Школа-то наша? Поди-кося ты, поучись!

— —

Я это, собственно, вот к чему: помогите, граждане и товарищи, переспорить огольца Петьку!

Вин Иванов.

ВИЛАМИ В БОК.

(По газетным листам).

О девичьей чести и псковских литераторах.

В Торопце, Псковской губ. есть газета «Светоч». В день пятилетней годовщины Октябрьской Революции «Светоч» решил щегольнуть героическим стихотворением. И вот что получилось:

НАШ ПРИВЕТ.

Разбита мрачная темница
Труда, завода и гумна,
И Русь, как Красная Девица,
Вольна, прекрасна и умна.
Развратный капитал Европы
К ней алчное насилье применял,
Но в душу девицы не проложил он
тропы,
И чести девичьей у Руси не отнял...
Попрежнему она невинно-кротка,
Все тот же ум у ней об'емлющий и
здравый,
И, словно как пустырь пред девст-
венной дубравой,
Жалка пред ней Французская Кокотка.

(„Светоч“ № 43 от 7/XI—22).

«Развратный Капитал Европы», не сумевши отнять у красной девицы «чести девичьей» решил, очевидно, отнять разум у торопецких стихотворцев. Насколько это ему удалось, можно судить по вышеприведенному стихотворению. А мы со своей стороны добавим:

— У «Светоча» есть дивные поэты,—
Они стихи строчат ногою правой,
И, словно как пустырь пред девст-
венной дубравой,
Жалки пред ним все прочие газеты.

Но оказывается, торопецкие поэты могут писать не только о девичьей чести. Они способны и на другое. Вот, например:

— Без колебаний и сомнений,
Рожденные в полыме битв,
Они шли поступью смелой,
Сияющие словно гранит.

Если чело автора этого стихотворения сияло от пота, когда он творил эти строки, то из этого еще нельзя делать вывода, что гранит вообще сияет.

Ударные лозунги.

Провинциальные газеты любят щегольнуть ударными лозунгами. Некоторые из этих лозунгов настолько ударны, что прочтя их человек долго не может притти в себя от изумления и восхищения.

Вот примеры:

«Борьба с семечками—борьба за культуру».

(„Крас. смена“ № 34 (48)—Минск).

«К советским урнам только тех, у кого руки не лоснятся от пота ближнего своего!»

(„Товарищ“ № 139—Вязьма).

«Газет мало, читайте их совместно, на вслух».

(„Беднота“—Дмитров).

«Продналог несет Советроссии мир и упрочение социалистического строительства в его соревновании с частно-экономическими отношениями»

(„Карельская Коммуна“ № 217).

Про [illegible]е «ударные» лозунги можно сказать:—Ударь раз, ударь два, но зачем же до бесчувствия?

Вас. Лебедев.

АРХИВ „КРОКОДИЛА“.

Советский народный красный священник.

Вот документ из Черниговщины:

УДОСТОВЕРЕНИЕ
У. С. С. Р.
Займище Сельский Совет
крестьян. и раб. депут.
Шимельск. вол. Городн. у.
Черниг. г.
18/X 1922 г. № 525.

Сим Сельсовет и комнезам удостоверяет, что священник Василий Владимиров Ярчуков действительно идет навстречу комнезама в защиту беднейшему населению пролетариату, что доказано фактом при похоронах недавно убитого предкомнезама тов. Белика, как высказанная Ярчуковым речь за бедноту и т. д. и вообще ведет жизнь более в борьбе за право трудящихся, а также и пользуется популярностью и по мнению нашему признаем, как Советского народного красного священника».

Ярчуков гордится высоким «званием народного красного священника». На груди рясы ярко алеет красный бант.

— Подарок рабочих и крестьян, — с гордостью заявляет он.

Накануне 5-й годовщины Октябрьской революции Ярчуков подал заявление епархиальному правлению Черниговщины следующего содержания.

«Вот и я, как сын бывших крепостных крестьян, мужик—пролетарий и крестьянин, по праву, данному мне низами, беднотой, моими меньшими братьями названный мало известным в Советской Летописи именем, Советский народный Красный священник (божьей милостью)—доложу вам, управлению, о моей просьбе: почтить — со мной единогласно по всей земли Черниговской, в день празднования народного объединенного энтузиазма по поводу добытой свободы—торжественным панихидным богослужением после литургии за павших»...

Дошлый батя до того допрыгался, что подал заявление о желании вступить в комм. партию.

Хитры же долгогривые! Скоро с амвона резолюции Коминтерна по организационному вопросу возглашать будут, «святого Радека» чтение устроят. Лишь бы паства не ушла и доходишко был.

Держите ухо востро, Черниговцы!

ДОПРЫЖОК.

Приехал в Тверь по приглашению Политпросвета клоун Лазаренко и выпустил такую афишу:

— ТУРНЭ КЛОУНАДЫ МОСКВЫ. —

ЧТО ПИШУТ

Нарком А. Луначарский А. Куприн и В. Каменский

о Виталии Лазаренко.

Прыгайте все выше дорогой друг, и допрыгайте до идеала и счастья.

Нарком А. Луначарский.

Дорогой друг Лазаренко! Смейся, прыгай, остри, паясничай Твой труд любит и чопорный партер, любит и шумная галерка, а больше всего любят дети, и черт побери, тех, кто твое искусство поставит ниже всякого другого—оно вечное.

А. Куприн.

Пригунствуй Яркий Лазаренко,
Рекорствуй в воздухе пихач,
Летай, как легкая керенка
Авто Циркач, Центро-Смехач.
Бум-тра-ля-ля, бум-тра-ля-ля,
Подобно радуге венчальной
Всех опоясывай вокруг
Ты будь для нас всегда встре-
чальный
И радостный и звонкий друг.
Тра-та-та, тра-та-та.

В. Каменский.

— ТУРНЭ КЛОУНАДЫ МОСКВЫ. —

Р. Ц. с. Тверь № 434. Первая Государственная Типография. Тираж 5000 экзем.

Муссолини отдал приказ повесить во всех школах Италии кресты и короля.

(Из газет).

Приказ об'является.

Приказ будет

Рабочие бросились исполнять...

Страница читателя.

Вокруг выборов.

(Разговоры меньшевика с эсерами).

«Меньшевики и эсеры, встречаемые на избирательных собраниях насмешками и негодующими возгласами, *бегут* **с этих собраний».**

— Были на собрании?
— Был.
— Говорили с избирателями?
— Говорил.
— Что вы сказали?
— Швейцару сказал: «пропусти, говорю, голубчик, как бы не побили!»

Меньшивик возвращается с собрания.
— Как дела?
— Великолепно!
— ?!.
— Сколько пожеланий выслушал! Идите, говорят, с богом, скатертью, говорят, вам дорога!...

— Прошел?
— Прошел... Я, знаете, в задние ряды шмыгнул, да все по стенке, по стенке... Так до двери добрался—и прошел...

— Хорошо тебя на собрании встретили?
— Встретили-то что говорить—а вот проводили!!!.

— Ну как, наших выбирают?
— Везде выбирают! В ы б и р а й т е с ь, говорят, по добру по здорову!

— Выступали на собрании с речью?
— Что же — разве мне рот заткнешь! Я самому председателю на ухо шепнул: «голосуйте говорю, за эсеров!»

Беберя.

Вести из Клинца.

Сообщаю „Крокодилу" и газете новости наши клинцовские и заботы Клинцовского Сукнотреста. Трест отпускает своим рабочим, всем поголовно, по 4½ аршина сукна по августовским ценам, в рассрочку месяца на 2 или на 3. Рабочие были бы обеспечены на зиму, если бы клинцовский швейпром согласился поменьше брать с рабочих за шитье, а то берет уж больно дорого, дороже частных портных на 10—15%. Так что, имея сукно и вату, приходится сидеть без одежды, а о рассрочке и думать не приходится. Не предложит ли „Крокодилу" сделать уступку и рассрочку клинцовским рабочим, за что рабочие будут благодарны.

С обувью еще хуже. Это вина профсоюза текстильщиков, что не подтолкнет сукнотрест, который имеет в своем ведении кожевенный завод и продавал на сторону кожу, забывает, что его рабочие ходят по морозу и мокроте на работу, не имея на ногах уже своей кожи, простуживаются и заболевают, принося этим убыток государству.

С топливом дела обстоят тоже не блестяще. Рабочим обещает Упрофбюро около 2 саж. дров по ½ саж., но это все только на словах, а на деле дрова с каждым днем дорожают, да их и нет, в виду запрещения торговли таковыми, и рабочим приходится или ночьюитти куда-либо в лес, воровать, или сидеть без топлива. Упрофбюро, поторопись! Ждем с дровами, зима на дворе!

Рабочий Троицкой мануфактуры.

Еще доводится до св дения „Крокодила" следующее: получать газету приходится через два-три дня, это еще терпимо, но от 1 октября по 7-ое включительно совсем не получили ни одного номера „Крокодила" и около 7 номеров газет. Рабочие уже зажурились, думая, что „Крокодил" захворал, но числа 10 получили газетку и остальные номера газет, а „Крокодил" пропал бесследно и только недавно наладилась немного доставка и с 2-го ноября получили уже № 10 „Крокодила", а это уже считается здесь чуть ли не аккуратностью. Популярность же „Крокодила" среди клинцовских рабочих огромна, и на ноябрь подписалось На Троицкой ф-ке на 60 — 70% больше октябрьской, так что уже на 4 рабочих приходится одна газета.

Иван Маринин.

Почтовый ящик.

МОСКВА.

Рабочему Ля. Ваша нота все еще звучит не в тоне нашего журнала. Наблюдайте быт: это будет служить вам хорошим камертоном.

С. Спандарян. Для взрослых—ваш материал слишком детский, а для детей—черезчур взрослый.

Т. Ю. Маркину. Т. Маркин пишет:—Если поместите это—то поспешу прислать еще и скоро.

Присылайте. Материал используем.

Т. Н. Печужеву. У древних писателей было такое правило: — В немногом — многое. А у вас, очевидно, наоборот. Кое-что все таки используем.

Т. Андреееву. Т. Андреев пишет: — «Судьбу России Антанта не может решить без России. Сообщите Владимиру Ильичу», и подписывается: — «Пролетарнат—Диктатор С. Андреев».

Правильно, т. Андреев! Владимир Ильич наверное согласится с Пролетарнатом—Диктатором. Только надо ли ему сообщать?

Т. Й. Лукашину. Ваше стихотворение к годовщине Октября мы получили в декабре. «Крокодил» хотя иногда и запаздывает, но не на такой же срок. Кто виноват: вы или почта?

Комсомольцу С. Новикову.—Рады были бы поместить, да тема не подходит.

Гознаковцу. Присылайте еще, материал используем.

Курсистке Сепиной. Тема то уж очень «духовитая». При случае заденем и ее.

Т. Н. Волкову. Т. Волков пишет такие вещи:

—Не пугайся... спят все крепко;
Поцелуй-ка напослед.
На соломе кряхтит дедко.
Ой: идет сюда сосед!

А что бы было, если бы Крокодил пришел! Уж наверно вы таких стихов бы не писали, да и милой вашей досталось бы на орехи.

ПРОВИНЦИЯ.

Петроград — Т. Вольфсону. Если Петроград обидится, что мы помещаем его в отделе: «Провинция», то утешьте его тем, что вашу статейку мы вообще не помещаем.

Казань—Ростовцеву. Ведь это же чистое наказанье; живете вы в Казани, а пишете про Мессопатамию. Пишите о местных казанских делах и фактах.

Село Майково Баф'у. Ваши загадки до того загадочны, что лучше уж их не помещать.

Козлов т. Мягкову. Вот что пишет т. Мягков:—Если ваш остракизм по отношению к моему письму не будет слишком острым—то оно будет напечатано в «Крокодиле».

Эх, т. Мягков! Иностранное слово вещь тонкая: загнешь его, ан оказывается, и не к месту! А все таки пишите еще. Можно.

14 Кавполк — т. Шишкову. Дайте взбучку вашему библиотекарю от имени «Крокодила».

Константиново - Дружковскому Райкому К. С. М. У. Материал используеѣ. Присылайте еще. Вилы у нас острые: дадим кому нужно. А как у вас с „Комсомольским Рождеством"?

Гор. Щостка, Черниг. губ. т. Карскому.—„Посылаю тебе свой робкий писк"—пишет т. Карский. Вот именно, что робкий! Не пищать надо, а кусаться. Пишите на местные темы.

Новозыбков—Т. П. Данилову. Материал используем при случае. Присылайте еще.

Брянск т. Ободинскому. — „Если можно, я бы постарался писать кой о чем",—пишет т. Ободинский.

Если вы будете писать так же скверно, то лучше не надо.

Павлоград т. Ямайкину. т. Ямайкин пишет: — „Состоя сотрудником „Стружек" и „Бича", решил попытать счастья и у вас".

При всем нашем глубоком почтении к „Бичам" и прочим „Стружкам", принуждены сделать вас несчастным.

Козмодемьянск, Маробласти, т. Маланкину.

—Шлю привет Крокодилу
И письмо в его корзину—

сообщает т. Маланкин. На этот раз угадал. Но раз на раз не приходится.

Дер. Филатовка, Орловской губ т. Сышкову. Материал используем. Присылайте еще.

Славянск, Донецк. губ. т. Я. Евсееву. Пишите на местные темы.

Совхоз Елюзино. Моск. губ. т. П. Горячеву. О самогоне написали вы очень длинно. Остальное используем. Ждем еще.

Рис. М. Черемных.

исполнен!

Повесили короля и...

...поставили крест.

КРОКОДИЛ

Первый штрейкбрехер.

Квартирники обувного производства, работающие на магазин Ракова находясь в безвыходном положении ввиду злостной эксплоатации со стороны хозяина, принуждены были об'явить стачку.

Нашлись мерзавцы-штрейкбрехеры, которые поддерживают живоглота-хозяина. Своего брата рабочего они тем самым заставляют голодать. (Красн. Газета.)

Хозяин (бастующим)—Вы дураки! Не дам работы—с голоду сдохнете. Всем расчет! Оставлю только умных рабочих!

Штрейкбрехер—Господин хозяин, посмотрите—я уже стал умный.

Главлит. № 4633. (Москва). „Мосполиграф". 1-я Образцовая типография, Пятницкая, 71.